Владимир Башмачников

ПОДРЕЗАННЫЕ КРЫЛЬЯ РОССИЙСКОГО ФЕРМЕРСТВА

В связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию остро встает вопрос, как повысить конкурентоспособность сельского хозяйства, за счет каш факторов. Пессимисты говорят, что неблагоприятные природно-климатические условия, длительное недофинансирование, запущенность, техническая и технологическая отсталость делают эту задачу нерешаемой. Но есть и оптимисты, которые, ссылаясь на успехи канадского, тоже северного сельского хозяйства, утверждают, что если государство не пожалеет инвестиций, то вековую отсталость можно преодолеть за сравнительно короткое *время* и не *только вытеснить пусть* недорогие, но менее качественные импортные продукты, но и расширить экспансию на зарубежные рынки.

Спору нет, инвестиции необходимы, но они мало что дадут, если сохранится нынешняя система сельхозпроизводства, сегодняшний агрострой. Да и деньги следует вкладывать не только (и не столько) в технику и технологии, но и в наращивание человеческого капитала.

Фактор номер один

О человеческом факторе в последнее время речь заходит постоянно. Из-за низко- го профессионального уровня, безответственности, разгильдяйства в нашей стране происходят тяжелейшие техногенные аварии, падают самолеты, не выходят на орбиту спутники, горят леса. В сельском хозяйстве этот фактор особенно важен, поскольку природа — главный партнер крестьянина — сама отличается капризностью и непостоянством.

По мере развития материального производства менялась и система «управления» человеческим фактором. В промышленности в конце концов пришли к пооперационному разделению труда, когда рабочий выполняет отдельные достаточно простые действия под строгим внешним контролем.

В сельском хозяйстве принятые в индустрии методы организации труда и его стимулирования широкого распространения не получили. Этому помешали фундаментальные особенности данной отрасли. Во-первых, в силу сезонности производства возможности глубокого пооперационного разделения труда в аграрном секторе крайне ограниченны, а зачастую и вовсе отсутствуют. Работник здесь должен быть универсалом, и развитие сельскохозяйственных технологий не может этого отменить.

Во-вторых, в сельхозпроизводстве, особенно в растениеводстве, трудно, а зачастую невозможно осуществлять пооперационный контроль качества работы. Ведь изменения в живых организмах — растениях и животных — происходят не сразу после выполнения технологических операций, здесь мерилом всему является конечный результат.

В-третьих, в сельском хозяйстве, по крайней мере в большинстве его позации условий производства и технико-технологических схем невозможно. Нестандартны земельные угодья (почвы, размеры и конфигурация полей и т. д.), нестандартно соотношение дождливых и сухих дней, нестандартны температурные режимы в почвах и воздухе. Данное обстоятельство сильно затрудняет управление производственными процессами «издалека», делает бессмысленным практикуемое в промышленности жесткое разделение управленческого и исполнительского труда. Рядовой сельский работник-исполнитель должен обладать правом принятия управленческих решений по многим производственным вопросам, но при этом и нести всю полноту экономической ответственности за качество этих решений.

Из-за перечисленных выше особенностей в аграрном секторе сформировалась особая модель организации и стимулирования труда. Здесь первичной, основной производственно-хозяйственной единицей является не крупное предприятие с большим числом наемных работников, которыми управляют нанятые менеджеры, а микропредприятия, где хозяева, управляющие и исполнители — это члены крестьянской семьи. Лишь на отдельные операции привлекаются наемные работники, но в ограниченном числе, чтобы можно было реально контролировать качество их труда.

Такое микропредприятие обладает существенным недостатком — оно менее автономно, чем крупное, сильнее зависит от внешней экономической среды, поскольку не может обеспечить всю совокупность вспомогательных и обслуживающих работ, составляющих целостный производственный процесс. Но данный минус многократно перекрывается большим плюсом: высочайшей заинтересованностью семейного мЭДкроколлектива в достижении максимально возможных экономических результатов. А это в свою очередь способствует формированию у работников высокой технологической дисциплины, ответственности, обязательности, самоконтроля, творческого отношения к труду, солидарности. Потери из-за отсутствия «эффекта масштаба» у фермера с лихвой перекрываются «эффектом мотивации и энтузиазма».

Что касается отсутствия автономности, то крестьянские хозяйства стали создавать на паях, на кооперативной основе свои обслуживающие предприятия, которые Александр Чаянов назвал в свое время «продолжением крестьянского бизнеса».

Сегодня агропромышленные комплексы подавляющего числа стран построены именно по фермерско-коопреативной модели. Ее позиции не смогли поколебать технологические революции, свершившиеся в сельском хозяйстве в XX веке: комплексная механизация, химизация, так называемая Зеленая революция, особенно глубоко преобразовавшая систему семеноводства и селекции в животноводстве, наконец, нынешняя «биологическая революция», связанная с бурным развитием генетики.

Мы так подробно останавливаемся на крестьянско-кооперативной (или фермерско-кооперативной) модели потому, что в России многие годы она отвергалась, а малые крестьянские хозяйства считались атавизмом, наследием прошлой доиндустриальной эпохи. Это мнение в нашей стране далеко не изжито, при том что эффективность фермерской модели доказывает опыт не только стран, где она является традиционной, но и тех, где фермерство возникло сравнительно недавно, во второй половине XX века, в результате демократических земельных реформ, осуществленных после Второй мировой войны, — Японии, Индии, Турции, Бразилии и других. Скептики утверждают, что как только фермерство в таких странах достигнет некого потолка, они начнут переходить на индустриальную форму сельхозпроизводства. При этом обычно ссылаются на опыт Соединенных Штатов Америки. Там, мол, 60—70 % сельхозпродукции поставляют на рынок крупные и сверхкрупные предприятия/Большинство наших агрополитиков и государственных мужей живут в плену таких представлений.

Однако анализ статистических материалов показывает, что большинство так называемых крупных (по объему производства) и половина сверхкрупных американских сельхозпредприятий по структуре, организации производства и труда, числу занятых работников представляют собой фермерские хозяйства семейного типа, а не крупные сельскохозяйственные фабрики с многочисленным наемным персоналом. В растениеводстве более 90 % земли в США обрабатывают семейные фермы. Одно фермерское хозяйство, специализирующееся на зерновых культурах, располагает не более 1000 га земли (в среднем 300—400 га), а на других культурах — значительно меньшими площадями. Число работников всех крупных ферм, а также половины сверхкрупных не превышает 5—8 человек. По основным параметрам, включая членство в обслуживающих кооперативах, такие хозяйства являются малыми предприятиями, правда, дающими благодаря высочайшей производительности труда значительные объемы сельхозпродукции. Кстати, в самих США они к таковым и причисляются.

Что касается крупных предприятий несемейного, фабрично-индустриального типа, то в отличие от государств Западной Европы и развивающихся стран в американском агросекторе они играют заметную роль. Но это в основном птицефабрики, предприятия по заключительному откорму бычков (фидлоты), тепличные овощекомбинаты, то есть те сектора, где, как в промышленности, природные факторы практически не играют роли. Доля таких предприятий в валовом производстве не превышает 20 % (в растениеводстве она меньше 10 %).

О том. что фермерско-кооперативная модель в наибольшей степени отвечает задаче обеспечения населения земного шара продовольствием, заявила созданная при ООН Международная организация по проблемам продовольствия ФАО. В этом году она обратилась к правительствам всех стран с рекомендацией всемерно поддерживать небольшие семейные крестьянские предприятия. Одновременно ООН объявила 2012 год годом кооперации.

Третья попытка

В нашей стране о необходимости развивать фермерство заговорили почти сразу после отмены крепостного права. Но от слов к делу перешли лишь через полвека. Аграрная реформа 1906 года Сергея Витте и Петра Столыпина, направленная на постепенное упразднение общины как коллективного собственника земли и передачу наделов в собственность крестьян, стала первой серьезной попыткой перейти к фермерской системе. Через пятнадцать лет уже новая большевистская власть продолжила работу по «фермеризации» России г- гюмещнчъм-земли были шфшншфеетьянам. Правительство Алексея Рыкова оказывало всемерную помощь семейным крестьянским предприятиям, особенно в том, что касалось обучения крестьян и вовлечения их хозяйств в снабженческо-сбытовые и другие обслуживающие кооперативы. Экономический эффект это дало колоссальный. Сельское хозяйство, разоренное Первой мировой и Гражданской войнами, а также продразверстками «военного коммунизма», за 5—6 лет полностью преодолело спад и восстановило довоенный «столыпинский» уровень (т. е. производство удвоилось!). Увы, тот успех не был закреплен и развит. Независимый крестьянин- производитель не вписывался в сталинскую систему тотального государственного контроля всех и всего. Страна встала на путь коллективизации — крестьян принудительно сгоняли в хозяйства, организованные по фабрично-заводскому принципу. Идеологи фермерско-кооперативной модели Бухарин, Рыков, Чаянов и др. были репрессированы, а массы крепких *хозяев* подверглись раскулачиванию и высылке. Социалистический эксперимент, как и следовало *ожнтть,* провалился. Страд на перманентно испытывала трудности со снабжением населения продуктами, росло технологическое отставание агросектора. Перестройка позволила наконец взглянуть на проблему без идеологических шор. По инициативе Михаила Горбачева, Николая Рыжкова, Егора Строева и при бешенном сопротивлении ряда членов Политбюро была подготовлена третья в России аграрная реформа. Крестьянин получил наконец право вести Рабочие совхоза «Хуторок» (в Северо-Кавказском крае) ликвидируют неграмотностьС тех пор прошло более двадцати лет. Срок немалый, если вспомнить Столыпина, который говорил, что ему нужно четверть века для завершения своей реформы. Да и опыт стран, реформировавших свое сельское хозяйство во второй половине XX столетия, показал, что при целенаправленной энергичной рабок задача решается за 2—3 десятилетия. Так что *подвести* хотя бы промежуточные итоги третьей попытки создать в России мощный класс фермеров, безусловно, стоит.Весь период реформ можно разбить на два этапа. Первый был коротким - неполных три года. 16 марта 1989 года пленум ЦК КПСС принял постановление «Об аграрной политике в современных условиях», в котором говорилось о переходе к многоукладному сельскому хозяйству и отмене монополии собственности государства на землю. Старт был дан, и *ученые* ВАСХНИЛ занялись разработкой законодательной базы реформ, определением ее этапов. О быстром переходе к фермерству речь тогда не шла, все понимали, что это процесс постепенный,но энтузиастам был дан зеленый свет. В начале 1990-х РСФСР (и другие республики) приняла *«Закон о* земельной реформе», «Кодекс о земле» с подробно прописанным механизмом наделения фермера землей, и «Закон о крестьянском (фермер ском) хозяйстве». Последний был составлен так, что фермер, не обращаясь к другим законодательным актам, мог извлечь из него всю необходимую информацию о своих правах и способах их реализации. В подготовке закона активное участие принимали первые фермеры — члены Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов (АККОР), учредительный съезд которой состоялся в 1990 году. Энтузиазм бил через край, и скоро без всякой помощи государства (за все время существования организации помощь она получила лишь один раз — в 1993 году от правительства США) региональные отделения АККОР в том же году появились почти в 40 регионах страны. В значительный степени через них до фермеров был доведен 1 млрд долларов, которые в начале 1991 года на поддержку крестьянских хозяйств выделил возглавлявшийся Борисом Ельциным Верховный Совет РСФСР. Решения о предоставлении стартовой поддержки или кредита тому или иному начинающему фермеру принимались коллегиально местными членами ассоциации — теми же фермерами — и представителями государства. Такой механизм позволил практически исключить коррупцию, и результаты превзошли все ожидания — за неполных три года возникло и начало поставлять сельхозпродукцию более 150 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). Большинство из них и сегодня функционируют. Они окрепли, по производительности не уступают аналогичным зарубежным фермам.

Однако после августовского 1991 года путча начался второй этап реформ, а по сути - их свертывание. Разрушение единой советской хозяйственной системы лишило аграрную реформу финансово-экономического базиса (отметим, что импульс, заданный в первые три года реформ, обеспечил рост числа КФХ еще в течение 3—4 лет). Резко ухудшилось и организационно-кадровое ее обеспечение. Во власть, особенно в экономический блок правительства, пришли люди, ставившие перед собой цель максимально быстро избавиться от советских форм хозяйствования. В результате вместо того, чтобы следовать продуманной, базирующейся на принятых законах стратегии аграрных преобразований, правительство стало принимать спонтанные, плохо обоснованные решения административного характера. Так, подготовленная к концу 1991 года вполне осуществимая программа удвоения числа фермеров (до 300 тыс. хозяйств) была объявлена недостаточно амбициозной — стране нужно 5 миллионов. Но поскольку такой взрывной рост ничем не был обеспечен, о нем скоро забыли, однако и разумная программа оказалась похороненной. Да и не проблемы развития фермерства были тогда на первом месте у правительства — приходилось заниматься оперативным латанием дыр на быстро расползающемся кафтане российской государственности. Все это, плюс бешеное сопротивление фермеризации со стороны многочисленной влиятельной и сплоченной аграрной бюрократии, сильно затормозило реформы. В результате во второй половине 1990-х крестьянские хозяйства почти полностью лишились государственной экономической, юридической и даже политической поддержки.

А в начале нового тысячелетия власть без громких деклараций и вовсе сменила вектор аграрной реформы. О крестьянской ее составляющей было забыто, а ставка сделана на спасение и реанимацию крупных сельхозпредприятий латифундист- скоготипа и объединение их в агропромышленные холдинги. Навсегда, казалось, похороненная идея индустриальной организации российского сельского хозяйства вновь

В 2001 году Госдумой был принят новый «Земельный кодекс», и в результате сегодня мы имеем порядок, при котором ограничение на размер земельных угодий, находящихся в собственности юридических и физических лиц, регион не может устанавливать ниже определенного, запредельно высокого уровня, то есть по существу всякий потолок отсутствует.

В результате мы сегодня имеем все тот же преимущественно латифундистский характер землевладения и землепользования — 70 % угодий находятся в распоряжении крупных сельхозорганизаций фабрично-заводского типа. Возникли сверх- крупные латифундии, равных которым не было и нет ни в Старом, ни в Новом Свете — по 200—300 тыс. га. Для сравнения: в США установлен прогрессивный налог, и потому владельцы 5 тыс. га и более исчисляются всего лишь десятками. В ЕЭС земельное владение площадью свыше 5 тыс. га по закону считается предельно крупным, и его хозяин не может рассчитывать на так называемую погектарную субсидию. Российские латифундисты, а также хозяева сверхкрупных животноводческих ферм и комплексов получают львиную долю средств государственной поддержки. Помимо прямой дискриминации работает и такой механизм — поскольку сегодня поддержка в основном предоставляется в виде субсидирования процентной ставки по кредитам, то, чтобы претендовать на нее, надо как минимум

получить сам кредит. Банки же, естественно, предпочитают иметь дело с крупными хозяйствами, поскольку у них имеется значительная собственность вобеспечение кредита. По этой же причине успевшие окрепнуть фермеры первой волны поддержкой обделены в меньшей степени, чем те, кто становится на фермерский путь сегодня. Анализ данных сельскохозяйственной переписи 2006 года показал, что на 1 руб. произведенной товарной продукции корпоративный сектор получил 14 коп. кредитных субсидий, а сектор семейных хозяйств — менее 10 коп. И так^й перекос, согласно программе развития до 2020 года, будет сохранен. В США картина обратная — там крупные хозяйства получают в 2—3 раза меньшую поддержку.

Взяв курс на укрепление крупных сельскохозяйственных предприятий, их трансформацию из коллективных в капиталистические, российские власти по существу перестали заниматься фермерским сектором, лишили его не только экономической, но и политической поддержки, защиты от притеснений со стороны агропромышленных монополистов и коммерческих посредников — перекупщиков и переработчиков-монополистов, которые нещадно обирают фермеров. И все же фермерство не сдает своих позиций, а за счет человеческого фактора постепенно набирает силы — и количественно, и качественно.

Правда, число официально зарегистрированных фермерских хозяйств после взрывного роста в первой половине девяностых годов на пятнадцать лет застыло на цифре 300 тысяч. Но за эти годы около трех миллионов традиционных для российского села личных подсобных хозяйств (ЛПХ) превратились фактически в малые фермы — за счет реализации сельхозпродукции они обеспечивают более половины своих доходов. Эти три миллиона составляют лишь те Л ПХ-подворья, которые в Европе и Америке относят к фермерским товарным хозяйствам, то есть производящим сельхозпродукции не менее чем на 1 тыс. долларов (30 тыс. рублей) в год. Возникновение большого числа товарных ЛПХ заметно меняет российскую аграрную структуру, причем в правильном направлении. Такие хозяйства представляют собой социальную (кадровую) базу для формирования в будущем крепких фермерских хозяйств. Процесс этот развивается не благодаря, а вопреки усилиям государства. Его подстегивают банкротства (несмотря на бюджетную поддержку) большого числа крупных сельхозорганизаций. Если в 1990 году их насчитывалось около 27 тыс., то сегодня — 15 тыс. Потерявшим работу крестьянам ничего не остается, как превращать свои Л ПХ в товарные подворья и таким образом обеспечивать себе средства к существованию. Не каждой семье это под силу. Стихийно происходит селекция тех, кто способен вести самостоятельно товарное хозяйство

Дремлющий потенциал

По данным Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова (ВИАПИ) официально оформленные КФХ вместе с индивидуальными предпринимателями и товарными крестьянскими подворьями дают ныне около 35 % российской товарной сельхозпродукции. Фермерство не только экономически эффективно, ни и играет важную социальную роль: закрепляет молодежь на селе.

Всередине 1990-х наши статистики совместно с американскими провели в нескольких регионах исследование эффективности новых для тогдашней России фермерских хозяйств. Выяснилось, что размер валового дохода с единицы площади в расчете на одного работника у фермеров средней руки выше, чем в сельхозпредприятиях, на 20—30 %. И это в годы становления КФХ, при всех неизбежных тогда организационных неурядицах. Примечательно, что Росстат и Минсельхозу С Й*'*' эти данные не опубликовали и больше такие исследования не проводилй Однако по косвенным данным можно судить, что и сегодня семейные хозяйства эффективнее крупных. Так, банки отмечают, что фермеры гораздо аккуратнее возвращают кредиты — уровень рентабельности позволяет. Крупные птицефабрики, свинокомплексы, молочные мегафермы, как правило закредитованы и не могут обслуживать долг, тем более его погасить без помощи государства, которую они через своих лоббистов исправно выколачивают.

Другое косвенное свидетельство эффективности КФХ — такие хозяйства за счет собственных прибылей систематически наращивают материально-техническую базу. Сельскохозяйственная перепись 2006 года показала, что их оснащенность тракторами и комбайнами в расчете на 100 га пашни на 30—50 % выше, чем у крупных сельхозорганизаций. Достаточная техническая оснащенность в сочетании с самоотверженным трудом обеспечили высокие темпы наращивания объемов производства. На состоявшемся в феврале этого года XXIII съезде АККОР было отмечено, что за последние десять лет темпы развития фермерского (семейного) сектора оказались почти в четыре раза выше, чем сектора сельхозорганизаций (корпоративного). Показательно, что даже в тяжелейшем засушливом 2010 году производство зерна в фермерских хозяйствах в целом не снизилось, даже несколько увеличилось, тогда как в сельхозорганизациях упало на 40 %. Особенно контрастна картина в молочной отрасли. Последние двадцать с лишним лет в корпоративном секторе неуклонно снижалось поголовье коров (да и вообще крупного рогатого скота). Потеряна, в том числе просто пущена под нож, почти половина стада — несколько миллионов животных. В противоположность этому в фермерском секторе в течение уже 15 лет число коров ежегодно прирастает на 10—12%. ^

Но эти высокие показатели обеспечивают в основном фермеры первой волны, поддержанные государством на старте и сумевшие развернуть свой семейный агробизнес. Именно их успехи подтягивают, повышают показатели в среднем по фермерскому сектору. Остальные КФХ (не менее половины) почти не развиваются (точнее не могут развиваться), редко используют технологические и технические инновации. Скромных доходов большинства семейных хозяйств хватает лишь на то, чтобы поддерживать некий минимальный уровень, попросту не разориться. «Человеческий фактор» здесь задействован далеко не полностью, что демонстри-

рует опыт Белгородской области, Чувашии, Башкортостана, Мордовии, Адыгеи, где создана благоприятная для фермеров экономическая среда, и они быстро наращивают производство. Так, в 2007 году по инициативе белгородского губернатора ^была запущена программа «Семейные фермы Белогорья». Ее цели были весьма ограниченны — занять жителей сел, которым не нашлось места в бурно развивающемся секторе агропромышленных холдингов. Но она быстро переросла первоначальные рамки. Выделенная стартовая помощь дала взрывной рост числа ферм — в прошлом году их было уже 3300. Власти всячески содействуют развитию кооперативной инфраструктуры производственно-хозяйственного обслуживания семейных хозяйств. В результате в прошлом году фермерский сектор Белгородчины реализовал продукции на 2 млрд руб.

В Астраханской области все началось с кооперации — нашлись энтузиасты, которые стали ее развивать, и это дало толчок развитию фермерства. Кооперати- вы сегодня окрепли и оказывают фермерам самые разные услуги, например, внедряют израильскую систему капельного орошения. Региональная власть всячески поддерживает семейный сектор, и он в прошлом году дал две трети овощей, производимых в области.

Дорожная карта

Пожалуй, единственное место, где проблемы фермерства, его роль обсуждаются открыто и заинтересованно, — ежегодные съезды фермеров, созываемые АККОР. Они пытаются донести до чиновников простую истину: многоукладность должна быть не на словах, а на деле, и в поддержке фермерства заинтересована прежде всего сама страна. Многие годы власть ничего этого слушать не хотела, пока в 2005-м по России не прокатились мощные акции протеста фермеров, и стало ясно, что и дальше игнорировать эту значительно окрепшую и активную социальную группу невозможно. С фермерским активом встретились высшие руководители страны, которые вроде бы с пониманием отнеслись к его предложениям. В приоритетный национальный проект «Развитие АПК» был включен пункт «Стимулирование развития малых форм ведения сельского хозяйства», предусматривавший финансовую поддержку, правда в весьма скромных масштабах, крестьянских хозяйств. Проект дополнили программы «по поддержке семейных животноводческих ферм» и «по поддержке начинающих фермеров». Правда, вскоре после утверждения перечисленных документов в коридорах Минсельхоза заговорили о том, что все это не экономика, а чистой воды политика. Мол, ставка как делалась на крупные предприятия, так и будет делаться, а проекты по малым формам — это всего лишь подачка маргинальным фермерским активистам. Надвигаются выборы (2007 г.), не отдавать же левым голоса крестьян-частников, которых душит российский олигархический капитализм.

Действительно, прошли выборы, и стало ясно — реальная агрополитика практически не поменялась. Средства бюджетной поддержки по-прежнему на девяносто с лишним процентов направлялись крупным сельхозобъединениям и животноводческим

объектам. По приоритетному национальному проекту господдержку получили менее 10 % КФХ и товарных подворий, а программы поддержки семейных ферм и начинающих фермеров вообще охватили менее одного процента крестьянских хозяйств.

Не то чтобы здесь был какой-то злой умысел. Просто высшее руководство страны поставило перед аграрными чиновниками задачу в короткие сроки снизить долю импортных молочных и мясных продуктов в российских магазинах (сейчас она составляет соответственно около 40 и 34 %). Руководители отрасли посчитали, что быстро ее решить, развивая фермерство, невозможно — деревня облюдела, она далеко не такая, какой была во времена столыпинских реформ и нэпа. Значит, остается только индустриально-промышленный штурм. И $m\backslash$ качество фермерской продукции гораздо выше, сейчас главное количества В этом есть своя логика, но возникает вопрос: почему не развивать параллель! как крупномасштабное производство (для решения тактической залами быстроте наполнения рынка), так и семейно-кооперативное (стратегическое направленна экономически, а также в качественном и количественном отношении гораздо более перспективное)? Один из возможных ответов: не хочется российским чиновникам заниматься проблемами сотен тысяч крестьянских хозяйств, слишкомзи хлопотно. Куда проще и привычнее работать с крупными производителями.И; говоря уж о том, что распределять между ними государственные субсидии-занятие весьма прибыльное.

И все же надолго затормозить развитие российского фермерства вряд ли удастся. В условиях глобализации нашим сельхозгигантам все труднее будет конкурировать на мировом рынке. Сегодня уровень их рентабельности искусственно поддерживается государством, а по правилам ВТО, куда Россия только что вступил, такая поддержка не может превышать определенного уровня. Изобретать способы обходить эти правила нельзя до бесконечности, и в конце концов будет вынуждена повернуться лицом к фермерству. Тем более что, как показывай мировой опыт, другого пути остановить депопуляцию сельской местности и возродить сельские поселения не существует.

Отрадно, что новый министр сельского хозяйства Николай Федоров, по- видимому, осознает необходимость серьезной корректировки аграрной политики. Он организовал ряд встреч и дискуссий с представителями АККОРл которых родилось предложение разработать дорожную карту, своеобразны! план-график поэтапного развития семейно-фермерского сектора. На то, чтобы утвердить документ, понадобится не менее года, но главные его положенияяш уже сегодня.

Первоочередной задачей фермерское сообщество считает создание специфической производственно-хозяйственной инфраструктуры для крестьянских хозяйств, обеспечивающей экономически оправданный выход таких микропрез- приятий на рынки — продовольственные, ресурсные, финансовые.

В 1990-е годы на базе советских перерабатывающих, снабженческих и обслуживающих предприятий при содействии государства были образованы частные коммерческие структуры, сразу же сделавшиеся локальными (и не только) монополистами. Разрушить эту монополию власти даже не пытались, уповая на то, что аппетиты инфраструктурных коммерсантов всегда можно ограничить административными мерами. Что же касается создания альтернативной кооперативно! аграрной инфраструктуры, то здесь возобладал либеральный подход — это, мол. дело самого фермерского движения. Но времена, когда административный нажни работал безотказно, прошли, а у крестьян-фермеров не хватило сил (и оптимизме относительно своего будущего), чтобы инвестировать в собственные кооперативные предприятия.

В уже упоминавшийся приоритетный национальный проект «Развитие АПК» | пункт о сельской кооперации включен был. Но, несмотря на то что реализации проекта шла с использованием немалого административного ресурса, прояви- нуться удалось не слишком далеко. В кооперацию включилось менее 10% семейных крестьянских хозяйств. Половина образованных по указке местных властей кооперативов так и не начала функционировать. Многие просто переродились в частные предприятия. Но все-таки пользу проект принес. Фермеры и аграрные чиновники накопили определенный опыт. Вот основные выводы, которые можно сделать на его основе. Они наверняка найдут отражение в дорожной карте.

• Целесообразно создавать, особенно на уровне поселений и районов, не только и не столько узкоспециализированные кооперативы, но и системы взаимосвязанных кооперативов, способных осуществлять комплексное производственнохозяйственное обслуживание крестьянских хозяйств. Так, в Израиле, когда кибуц разделяется на фермерские хозяйства (а такое случается все чаще), его инфраструктура преобразовывается в такой комплексный кооператив.

• Мало создать первичные кооперативы, нужны «пирамиды кооперативных образований», имеющие логистические, перерабатывающие, транспортные и даже торговые подсистемы. Поучителен пример Индии, которая за десять лет утроила производство молока. Там государство создает пирамиды кооперативов, которые венчают выкупленные у бывших владельцев крупные заводы по переработке молока. Крестьяне получают в них доли со сроком выкупа 50 лет. Такие объединения создают реальную конкуренцию частно-коммерческим агропромышленным гигантам, и тем приходится смягчать условия взаимодействия с фермерами.

• Необходимо разработать гибкую систему государственной поддержки кооперативов — косвенной (кредитной, налоговой) и прямой в виде субсидий и субвенций. Эта система должна обеспечить максимальную заинтересованность крестьянских хозяйств в образовании кооперативов и во взаимодействии с ними.

• Следует всячески развивать разнообразные формы государственного, кооперативного и частного партнерства.

• Целесообразно сформировать сеть государственно-общественных центров развития межфермерского кооперирования. В их функции должны входить аккумулирование положительного опыта, обучение, консультирование и практическая помощь в создании кооперативов.

Следующей по важности после кооперации темой аккоровские разработчики дорожной карты считают государственную финансовую поддержку. Следует отказаться от практики предоставления субсидии преимущественно крупным объединениям и перейти на принятую в развитых странах справедливую и некоррупционную систему распределения финансовой помощи в расчете на гектар обрабатываемой земли и на голову продуктивного скота, вне зависимости от организационно-правовой формы сельхозпроизводителя.

Третье важное направление поддержки фермерства — борьба с неолатифун- дизмом. Когда заработает рыночная инфраструктура и государство начнет реально помогать фермерам, у тех обязательно появится интерес к расширению производства, а значит, к расширению земельных наделов и посевных площадей. И здесь они столкнутся с необходимостью втридорога арендовать участки у земельных магнатов. Арендная плата будет выкачивать из крестьянских хозяйств прибыль и убивать интерес к ведению агробизнеса. Поэтому государству, хочешь не хочешь, придется заняться очередным перераспределением сельхозугодий. Разработчики дорожной карты понимают, что административными методами этого не сделать. Но и чисто рыночными не получится, поскольку лендлорды будут всячески завышать цену. Проблему можно решить с помощью прогрессивного земельного налога. В большинстве стран действуют механизмы (налоговые, связанные с предоставлением субсидий), делающие обладание сверхкрупной земельной собственностью разорительным. Так должно быть и в России. По сути, в стране необходимо провести еще одну, четвертую по счету реформу, иначе наше сельское хозяйство будет вечно пребывать в состоянии перманентного кризиса.